

7. Кирдина С. Институциональные матрицы и развитие России / С. Кирдина. — Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. — 308 с.
8. Бессонова О. Раздаточная экономика России / О. Бессонова. — М.: РОССПЭН, 2006. — 144 с.
9. Вольчик В. Иерархия и комплементарность институтов в рамках хозяйственного порядка / В. Вольчик, И. Бережной // Terra Economicus. Экономический вестник ростовского государственного университета. — 2009. — Т. 7. — № 2. — С. 65—73.
10. Див. напр.: Липов В. Визначення моделі інноваційного розвитку України: чинник інституціональної комплементарності / В. Липов // Вісник Хмельницького НУ. — 2009. — № 5, Т. 1. — С. 81 — 86; Липов В. Институциональная комплементарность и морфология социально-экономических систем / В. Липов // Бизнесинформ. — 2010. — № 2. — С. 119—125.
11. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. — М.: Канон, 1996. — 432 с.
12. Черкасов Г. Общая теория собственности / Г. Черкасов. — М.: ЮНИТИ, 2003. — 263 с.
13. Познер Р. Экономический анализ права. Т. 1 / Р. Познер. — СПб.: Эконом. школа, 2004. — 524 с.
14. Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. — Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. Избранное / Дж. К. Гэлбрейт. — М.: Эксмо. — С. 345—610.
15. Иноземцев В. Собственность в постиндустриальном обществе и в исторической перспективе / В. Иноземцев // Вопросы философии. — 2000. — № 12. — С. 3—13.
16. Аоки М. Фирма в Японской экономике / М. Аоки. — СПб.: Лениздат, 1995.—431 с.

Стаття надійшла до редакції 28.05.2010 р.

Е. В. Клишова, канд. экон. наук, доцент,

Е. В. Дудник, канд. экон. наук, доцент,

Донецкий национальный университет

ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В ЭКОНОМИКЕ УКРАИНЫ (В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ)

АННОТАЦИИ. Статья посвящена анализу прав собственности в контексте теории экономической рациональности. Рассматривается институциональная ловушка креденциализма в экономике Украины.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Экономическая рациональность, индивидуальная и общественная рациональность, институциональные ловушки, креденциализм.

Системное исследование структуры и форм функциональной реализации экономической рациональности является важнейшей теоретической и методологической проблемой, разрешение которой составляет необходимую предпосылку формирования модели экономического развития Украины. Однако исследование экономической рациональности, её сущности, форм и процессов формирования, проекция полученных результатов на транзитивную экономику Украины возможно только в контексте качества прав собственности и механизмов их реализации, поскольку существование определенной системы прав собственности составляет условие осуществления любого процесса общественного воспроизводства, функционирования любой экономической системы.

Целью статьи является исследование значения прав собственности для формирования и взаимодействия различных форм экономической рациональности.

Структурно-функциональный анализ экономической рациональности предполагает рассмотрение генезиса и структуры всех её форм в единстве с анализом функционального аспекта.

Этимология рациональности, как и философская её трактовка, апеллирует к разуму как к средству познания мира и адаптации поведения индивида к условиям меняющегося мира. Разумное поведение индивида повышало его шансы на выживание в ходе естественного отбора — исходного пункта рациональности. С естественным отбором сопрягается процесс накопления объектов, монополизация пользования которыми повышала степень выживаемости индивида. Так изначально формируется тандем рациональности и накопления, который является источником активности индивида.

Накопление трактуется как оптимизация пользования совокупностью материальных и духовных благ, монополизированных индивидом, находящихся в его собственности. Накопленные объекты должны обладать определенной общественной полезностью, которая и сообщает им экономическую значимость. Наиболее полезной для индивида оказывается монополизация пользования экономическими благами, имеющими максимальную степень востребованности и редкости, по поводу которых возникают устойчивые социально-экономические отношения. Монополизация пользования подобными объектами сообщает определенный со-

циальный статус пользователю и дает возможность монополизации полезных свойств объектов пользования.

Формирование института собственности представляет естественное следствие и инструмент накопления, обуславливающий, в свою очередь, необходимость появления определенной совокупности прав собственности. Обладание достаточным объемом прав собственности (элементов прав собственности) по поводу данного объекта определяет положение индивида в системе общественного производства.

Монопольным пользователем объектом (собственником) является индивид, обладающий правом присвоения дохода от его эксплуатации в ходе общественного производства. Удовлетворение растущих потребностей индивида как следствие возникшего положения определяет *первый* момент, конституирующий собственника. Поскольку объект собственности подвержен снашиванию по мере его эксплуатации и (или) под действием сил природы, то поддержание его ликвидности становится важнейшей задачей монопольного пользователя. Эмпирически обнаруживается, что по мере увеличения полезности объекта увеличивается и доход, получаемый в ходе его производственного применения, следовательно, возрастает социальная значимость объекта. Так формируется *второй* момент, конституирующий собственника: необходимость оптимизации материального субстрата собственности как условие сохранения монополии на пользование объектом, т.е., реализация воспроизводственной и охранной функций. Справедливым, как следствие, представляется следующее положение К. Менгера: «И человеческое хозяйство, и собственность имеют общее происхождение, так как и то, и другое своим конечным основанием имеют существование благ, доступное распоряжению количество которых меньше, нежели надобности людей. Вместе с тем собственность, как и хозяйство людей, является не произвольным изобретением, а, наоборот, единственным практически возможным разрешением проблемы, навязываемой нам природой вещей, т. е., несоразмерностью между надобностью и доступным распоряжению количеством благ» [2, 55].

В результате накопления возрастает возможность реализации имманентной совокупности субъектных предпочтений. Индивидом выделяются блага и услуги, потребность в которых приоритетна для него с точки зрения определённых *критериев* отбора, под воздействием которых происходит «отнесение к ценности» [3, 39] благ и услуг. Упорядочение выбора индивида происходит, таким образом, в ходе реализации специфической, имманентной

лишь данному индивиду и в каждый данный момент, *системы критериев предпочтений*, взвешенных по степени своей интенсивности.

Те виды конкретных благ и услуг, которым индивид оказывает предпочтение под воздействием, например, рекламы или мнения членов референтной группы, могут бесконечно варьироваться, но любой их набор представляет определённую, соответствующую сложившейся ситуации, форму реализации соответствующей системы критериев отбора предпочтений. Системная организация критериев отбора предпочтений не исключает, а предполагает определённую их иерархию. В зависимости от реакции индивида на динамику окружающей среды интенсифицируется определённая группа взаимосвязанных критериев, что находит выражение в принимаемых индивидом решениях относительно предпочтительности конкретных благ (быстрота реакции позволяет судить о степени актуализации критерия), и, как следствие, отражается в специфике социального поведения индивида — функционального аспекта индивидуальной рациональности.

Непосредственно хозяйственная деятельность осуществляется посредством *выбранного* варианта социального поведения индивида, что предполагает последовательный *выбор* средств его реализации. Исходным пунктом, который задаёт направление всем последующим движениям через соответствующие точки бифуркации, является *интенсивность актуализированного критерия* (группы критериев). Максимизация полезности индивида, более или менее успешно достигающаяся посредством его социального поведения, корреспондируется, на наш взгляд, не с максимизацией, но с *оптимизацией* его предпочтений. Последняя формулировка представляется более корректной, поскольку предполагает постоянный мониторинг актуальных предпочтений, отобранных на базе актуализировавшихся критериев и взвешенных по степени их интенсивности в каждый данный момент, с целью нахождения оптимального баланса между ними в пределах возможностей индивида.

Имманентная система критериев как первооснова расположения предпочтений индивида в каждый данный момент в конкретном порядке и составляет *сущность индивидуальной рациональности*. Соотнесение бесконечного эмпирического многообразия с системой критериев даёт индивиду возможность выделить именно те моменты, удовлетворение потребности в которых является приоритетным с точки зрения индивидуальной системы критериев. Таким образом, рациональность изначально индиви-

дуальна в силу различий в критериях упорядочения наборов предпочтений субъектов и, как следствие, индивидуализации пирамиды потребностей. Индивидуальная рациональность составляет исходный уровень рациональности.

Индивидуальная рациональность формируется под воздействием факторов эндогенного (психологические, культурно-этические, врожденные склонности и когнитивные способности индивидов) и экзогенного (среда обитания индивидов — институты, привычки, правила, регламентирующие поведение и задающие алгоритмы принятия решений). Реализация индивидуальной рациональности предполагает развитие определенной инструментальной основы: коммуникации, инфраструктура, посредством которых осуществляется процесс последовательного выбора индивида. Органичным компонентом инструментального обрамления рациональности являются устоявшиеся «рутины поведения», правила и привычки, складывающиеся под воздействием внешней среды и облегчающие выбор индивида, особенно в условиях неопределенности. В этом смысле представляется справедливым замечание М. Разерфорда: «рациональность сама по себе является продуктом возникновения денежных институтов» [4, с. 59]. Итак, эндогенная, экзогенная и инструментальная ипостаси рациональности есть неразрывное и взаимообусловленное целое, взаимодействие компонентов которого обуславливает саму возможность ее бытия и порождает синергетический эффект, функционально проявляющийся в социальном поведении индивида. Таким образом, наряду с вычленением сущности индивидуальной рациональности как системы критериев отбора предпочтений индивида принципам структурно-функционального анализа соответствует рассмотрение индивидуальной рациональности как целостной системы в единстве структурного и функционального её компонентов.

Применение кибернетического подхода С. Бира [5, с. 32—48] к анализу индивидуальной рациональности позволяет трактовать её как целостную систему, в процессе функционирования которой постоянное взаимодействие сенсоров — входных преобразователей (субъективированные знания и опыт индивида), управляющего устройства (система критериев отбора предпочтений индивида, взвешенных по степени своей интенсивности) и выходных преобразователей (эффекторов) определяет форму реакции на динамику окружающей среды — адекватный тип социального поведения индивида. Выбор стратегии действий индивида, осуществляемый управляющим устройством, определяется соот-

ветствием ожидаемого эффекта системе критериев отбора предпочтений индивида. Для поддержания системы в рабочем состоянии необходимо равенство мощностей и степени разнообразия на входе и на выходе [5, с. 46], т.е., компенсация входящих и исходящих потоков. Способность индивида к обработке информации и своевременному принятию решений, адекватных системе критериев предпочтений; выбору варианта эффективного поведения должны корреспондироваться с возможностью получения индивидом полной, достоверной информации и реализации достаточно широкого спектра вариантов экономического поведения из тех, которые он способен спрогнозировать.

Однако именно широта этого спектра «допустимых действий» входит в противоречие с интересами других людей в той мере, в какой возникает вопрос об использовании ограниченных ресурсов» [6, с.113]. Объективно необходимой становится чёткая спецификация и экономическая ориентированность системы прав собственности, установление оптимальной величины санкций за их нарушение, действенные механизмы реализации этих санкций. Превращение совокупности прав собственности в систему предполагает создание сложной соподчинённости взаимосвязанных элементов, синергетический эффект взаимодействия которых обеспечивает минимизацию издержек взаимодействия хозяйствующих субъектов. Экономически эффективная система прав собственности ориентирована на снижение издержек выявления альтернатив, измерения, расчетов и обменных операций и др. Система прав собственности является инструментом коррекции поведения индивидов для предотвращения микроуровневых экстерналий, негативные последствия которых могут явиться источником кумуляций, следствием которых станет появление уже макроуровневых экстерналий.

Важнейшая функция прав собственности состоит в снижении степени неопределённости для ускорения и оптимизации выбора индивида, что обусловит ускорение оборота экономических ресурсов. В этом контексте нужно особо отметить мотивационную функцию прав собственности, которые, формируя «стены коридора», в котором делают выбор хозяйствующие субъекты, создают стимулы для перераспределения экономических ресурсов в отраслевом и территориальном отношениях. Особенно важной представляется конфигурация прав собственности, регламентирующая движение интерспецифических ресурсов и определяющая динамику инвестирования в их качество.

Государственное регулирование, стимулирующее скорость и адекватность выбора индивидов, предполагает совершенствова-

ние институциональной среды на основе корреляции прав собственности и неформальных институтов, т.е. обеспечение равновесия систем индивидуальной рациональности. Только в этом случае окружающая среда из тормоза превращается в фактор экономического роста. В отсутствие общественной легитимности правомочий индивидов и слабости государственной власти формируется или воспроизводится противоположная неформальная норма, что ставит под вопрос гарантии прав собственности, а, следовательно, активизацию инвестиционной деятельности индивидов. Подобная ситуация характерна для многих переходных экономик, в том числе и для экономики Украины.

Таким образом, на уровне индивидуальной рациональности права собственности выступают как необходимой предпосылкой функционирования множества систем индивидуальной рациональности, так и условием восхождения к более высоким уровням рациональности.

Способом познания последующих уровней рациональности является метод *агрегирования*, под которым мы понимаем последовательное *укрупнение* критериев упорядочения предпочтений различных индивидов (но, безусловно, не механическое их суммирование). Восхождение к общественной рациональности предполагает достаточно длительный процесс последовательного формирования неких общих, *унифицированных* критериев отбора предпочтений (индивидуальная рациональность каждого из субъектов должна включать, помимо прочих, некие группы критериев, которые являются общими для всех) и достижение определённой *синхронности в актуализации* этих групп критериев отбора предпочтений (что означает создание *коллективных* мотиваций). Эти процессы могут локализоваться на разных уровнях: *групповая* рациональность индивидов, объединяющихся в организацию (экономическую или общественную), и *общественная* рациональность (все или, как минимум, подавляющее большинство членов общества в данном временном интервале имеют общие приоритеты, предпочитая максимизировать потребление одних общественных благ в ущерб потреблению других благ). Единство «ценностной нормативной системы, служащей ориентиром группового и индивидуального поведения» [7, с. 136], является, подчёркивает А. Панарин, фактором, конституирующим нацию, народ как самостоятельного субъекта истории и носителя суверенитета.

Материальной основой этого процесса является неделимость потребления общественных благ, совместное удовлетворение определённых потребностей. Эффективность функционирования и

жизнеспособность любой общественной структуры (фирмы, организации, государства) зависит от степени общности, унификации критериев предпочтений субъектов этой структуры. По мере «встраивания» индивидуальной рациональности субъекта в системы групповой рациональности происходит его социализация, принятие им общих для группы совокупности ценностей и «правил игры». Успешность его социализации в данной группе обусловит достижение равновесия системой индивидуальной рациональности и эффективное её функционирование, в противном случае процесс межгрупповой миграции продолжается. Так, выведение на первый план критерия упрочения положения фирмы в отрасли обусловит приоритетную роль инвестирования в новые технологии (а не перекачивания средств в фонд потребления) в иерархии предпочтений собственников фирмы.

На уровне общественной рациональности новое значение приобретает необходимость приведения в соответствие системы неформальных норм (характеризующих степень общественной рациональности, имманентную национальному менталитету) и степень их отражения в поддерживаемых государством правах собственности. Речь идет не только о равновесии систем индивидуальной рациональности, но о принципиальной возможности формирования общественной рациональности, которая является основой, фундаментом любого институционального строительства. В случае рассогласованности формальных и неформальных норм происходит их взаимное ослабление, чреватое возможным доминированием неэффективной неформальной нормы, модифицирующей сопрягаемые правила и привычки. Образуется «коридор» неэффективных норм, блокирующих возможность общественно рационального поведения: слишком большими оказываются издержки, которые несёт субъект, желающий нейтрализовать такое рассогласование. Восхождение к общественной рациональности открывает путь к решению ключевой проблемы целевой направленности государственной экономической политики — построения легитимного «дерева целей» и снятие синдрома «лебеда, рака и шуки» на уровне общества посредством создания механизма, позволяющего совместить систему «индивидуальных ценностей с существующей системой общественно значимых ценностей» [8, с. 60].

Проецируя основные положения «теоремы невозможности» К. Эрроу на приведенную трактовку общественной рациональности, нельзя не прийти к выводу о том, что сочетание независимого от посторонних альтернатив выбора индивида и принципов

общественного выбора, сформулированных Эрроу, (принцип коллективной рациональности; принцип Парето-предпочтения одного индивида не могут господствовать над предпочтениями других; недопущение диктатуры; и уже упомянутый независимый выбор индивида) [9, с. 109—111] возможно только посредством восхождения к общественной рациональности. Иначе приходится констатировать существование неразрешимого противоречия между первыми тремя принципами и последним принципом, существование которого впервые обосновано Эрроу [10, с. 37].

Оптимальная конфигурация и подвижность прав собственности делает возможным реализацию «закона Седова», представляющего трансформацию известного кибернетического закона Эшби, экономические приложения которого развиты С. Биром. Согласно этому закону, «в сложной иерархической системе рост разнообразия на верхнем уровне обеспечивается ограничением разнообразия на предыдущих уровнях и, наоборот, рост разнообразия на нижнем уровне (иерархии) разрушает верхний уровень организации» [11, с. 20]. Принципиальные различия в содержании систем критериев предпочтений хозяйствующих субъектов (определённый уровень разнообразия) делают невозможной их самоорганизацию и достижение необходимого ограничения разнообразия, достаточного для формирования общественной Рациональности. Происходит рассогласование критериев предпочтений индивидов и разрушение общественной рациональности, что создаёт существенные (порой непреодолимые) преграды для модернизации экономики. Отсутствие необходимого разнообразия на «верхнем» уровне может, мы полагаем, дестабилизировать, в свою очередь, нижние уровни системы, т.е., устойчивость и эластичность общественной рациональности обеспечивается разнообразием институциональных форм реализации индивидуальной рациональности. Так, первым компонентом принятия экономических решений субъектами Т. Раков и В. Невилл называют множественность выбора [12, с. 9].

Необходимо разнообразие форм правовой, социальной, региональной, идеологической, образовательной политики государства, способствующих формированию определённых критериев отбора предпочтений, посредством которых идентифицируются системы индивидуальной рациональности множества субъектов и создаются условия для синхронной актуализации определённых групп критериев. Достижение определённой степени единства ценностных установок индивидов является необходимой предпосылкой как эффективного функционирования общественных

институтов, так и осуществления общественных преобразований. Таким образом, с точки зрения теории общественной рациональности, права собственности являются инструментом формирования определённых критериев отбора предпочтений и средством разрешения вопроса об экономической власти государства, которая сводится, в сущности, к приобретению возможности синхронной актуализации этих критериев, и, как следствие, программирования адекватной формы социального поведения.

Ухудшение ситуации с созданием и защитой прав собственности в Украине нашло отражение в годовом отчете международной организации Property Rights Alliance по итогам 2009 года, согласно которому украинский рейтинг IPR (международный индекс прав собственности) сместился с 82 места в 2008 году (из 125 стран, на долю которых приходится 97 % глобального ВВП) на 97 место в 2009 году [13, B5]. По сообщению НБУ, в индексе глобальной конкурентоспособности по итогам 2009 года из 133 стран, включенных в рейтинг, Украина заняла 127 место по защите прав собственности и 130 место по эффективности законодательных органов власти [14].

Неопределенность прав собственности, характерная для экономики Украины, является причиной образования и переплетения множества *институциональных ловушек* (самоиндукция неэффективной нормы, сопряжённой с другими нормами (институтами) и оказывающую на них деструктивное воздействие), выход из которых затруднен именно в силу их взаимообусловленности. Образование институциональных ловушек происходит вследствие легитимации неэффективной нормы заинтересованным в её сохранении носителем экономической власти, использующим для этого асимметричную и дозированную информацию, коррупцию и др. Издержки трансформации совокупности норм чрезмерно велики в случае устранения лишь одной из неэффективных норм. В этом случае имеет место нарушение равновесия, которое парадоксальным образом базируется на каркасе деструктивных, но образующих единую целостность норм. Социальная цена трансформаций может оказаться непосильной для общества, которое будет вынуждено вернуться к неэффективному, коррупционному, но привычно-комфортному равновесному состоянию экономики. В этом случае фиксируются и усугубляются не только отдельные институциональные ловушки, но вся их совокупность. Этой схеме следует функционирование традиционных экономических систем, эволюционирующих по нисходящей. Жизнеспособность и эффективность экономической сис-

темы непосредственно определяются степенью общности критериев предпочтений субъектов этой системы, что реализуется в рационализации прав собственности и общественных институтов. В противном случае потери усугубляются увеличением издержек по содержанию контролирующих и репрессивных органов, что становится фактором торможения экономического роста.

Рамки статьи позволяют отметить только некоторые из институциональных ловушек, характерных для экономики Украины, наиболее значимыми из которых представляются фиксированные формальными и неформальными нормами ловушка «социального популизма», и, особенно, углубившаяся в последние годы ловушка «креденциализма» (фильтра, скрининга — от англ. screening). На наш взгляд, неправомерно употребление терминов «креденциализма» и «скрининга» (фильтра) как взаимозаменяемых. Скрининг обеспечивает первоначальную фильтрацию потенциальных работников и является *одним из инструментов отбора*, выполняя до определённой степени позитивную роль, поскольку указывает на наличие некоторого объёма имманентных человеческому капиталу индивида *общих* ресурсов (умение работать с литературой, пользоваться компьютером, навыки выполнения базовых операций, т.е., то, что обеспечивает стартовый уровень обучаемости) или *специфических* ресурсов (профессиональные знания и умения). Креденциализм, напротив, делает одну из формальных норм главным и едва ли не единственным из инструментов отбора потенциальных работников, *подменяя этой формальной нормой действие рыночного механизма* сопоставления предельных затрат на найм ресурса с предельной отдачей от его производительного употребления.

Термин «креденциализм» характеризует ситуацию на рынке труда, когда отбор потенциальных кандидатов на замещение вакансий происходит посредством *абсолютизации формальной нормы* наличия свидетельства об определенном уровне образования. В ходе её реализации в системе экономических отношений формальная норма взаимодействует с множеством других институтов, формальных и неформальных норм, образуя «коридор» норм, рамками которого ограничен выбор вариантов социального поведения индивидов. В этих условиях происходит синхронная актуализация тех критериев отбора предпочтений, в результате действия которых на первый план в структуре предпочтений индивида выводится инвестирование в образование на максимально доступном уровне в ущерб инвестициям в другие активы (в пределах финансовых возможностей индивида). Основой социаль-

ной стратификации становится не реальный уровень профессиональной квалификации, объем знания, навыков и умений, которыми обладает индивид, а существование диплома престижного учебного заведения или диплома о присвоении ученой степени. Как следствие, около 80 % выпускников средних школ Украины становятся студентами вузов, тогда как в СССР их доля не превышала 30 % [15, с. 5] при большей потребности в специалистах с высшим образованием.

С другой стороны, индивиды (домохозяйства) с низким уровнем дохода оптимизируют имманентные предпочтения отказом от инвестирования в приобретение образования на высших образовательных уровнях. Ловушка «образовательного пессимизма» углубляется низкой эффективностью «социального лифта» в Украине, когда индивиды, изначально обладающие творческим потенциалом, но представляющие менее обеспеченные слои общества и лишенные возможности инвестирования в человеческий капитал, лишаются тем самым не только доступа к получению соответствующего образования, но (даже при наличии образования) возможности повышения наследственного социально — экономического статуса. Так, среди развитых стран социально-экономическое положение и доходы детей наиболее жестко детерминированы положением отцов в Великобритании (около 50 %), наименее — в Дании (30 % от британского уровня). Соответствующий показатель для Украины почти на 20 % превышает британский [16, с. 3].

Рост образовательных стандартов найма, характерный для рынка труда Украины, сочетается с отсутствием соответствующего увеличения реальных средних заработков в большинстве отраслей. Как следствие, неизбежной является «инфляция образования», т.е., достижение индивидом определенного статуса требует все больших затрат, которые сопровождаются снижающейся отдачей. Существующая система подготовки кадров (прежде всего в области высшего образования) обуславливает расширенное воспроизводство социально избыточного человеческого капитала, структура которого не адекватна потребностям рынка труда, а качество в большинстве случаев не соответствует стандартам современного производства. Фундаментальной причиной сложившегося положения является отсутствие системы специфицированных прав собственности как основы формирования механизма адаптации структуры системы образования к отраслевой структуре и требованиям производства. Отсутствуют, как следствие, условия равновесия систем индивидуальной рациональности субъектов и оптимизации их предпочтений.

«Погоня за дипломом» (колледжа, вуза, ученой степени и др.) приводит, с одной стороны, к ухудшающему отбору в большинстве профессий, а, с другой, стимулирует «рыночное закрытие», профессиональный монополизм в этих профессиях. Креденциализм, таким образом, способствует формированию соответствующих академических монополий, которые функционируют как любая монополия, исключая конкуренцию и не допускающая приток новых кадров с более высоким уровнем профессионализма, но без формальных свидетельств. Развитие описанных институциональных ловушек в экономике Украины тормозит экономический рост как в силу падения качества человеческого капитала — важнейшего экономического ресурса, так и в силу падения эффективности инвестирования в этот ресурс и нерационального использования инвестиционных средств. Условием формирования экономической рациональности на всех уровнях является, таким образом, рост качества и степени спецификации прав собственности.

Литература

1. *Клишова Е. В.* Теория экономической рациональности. — Донецк: ДонНУ, 2008. — 246 с.
2. *Менгер К.* Основания политической экономии. / Австрийская школа в политической экономии. — М.: Экономика, 1992.
3. *Гайденок П. П., Давыдов Ю. Н.* История и рациональность: Социология М. Вебера и веберовский ренессанс — М.: Политиздат, 1991. — 367 с.
4. *Rutherford M.* Institutions in Economics. The Old and the New Institutionalism. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
5. *Бир С.* Мозг фирмы. — М.: Радио и связь, 1993. — 416 с.
6. *Шаститко А. Е.* Новая институциональная экономическая теория. — М.: ТЕИС, 2002. — 591 с.
7. *Панарин А.* Искушение глобализмом. — М.: Издательство Эксмо — Пресс, 2002. — 416 с.
8. *Шаститко А.* Модели рационального экономического поведения человека // Вопросы экономики. — 1998. — № 5. — С. 53—68.
9. *Миельчакова Н.* Развитие неоклассической теории в исследованиях Кеннета Эрроу. // Вопросы экономики. — 1995. — № 5. — С. 108—114.
10. *Arrow K.J.* Social Choice and Individual Values. N. Y.: Willy, 1951.
11. Цит. по: Цирель С. «Owerty-эффект», «Path dependence» и закон иерархических компенсаций. // Вопросы экономики. — 2005. — № 8. — С. 19—27.
12. *Rakow T. and Newell B.* Degrees of Uncertainty: An Overview and Framework for Future Research on Experience-Based Choice. — Journal of Behavioral Decision Making. — 2010. — № 23. — P. 1—14.

13. Украина и уровень обеспечения прав собственности // Газета. — 2000. — №12 (503). — 26.03.2010.

14. minprom.ua/news/42863.html

15. Даренский В. Существует ли на Украине высшее образование? // Газета. — 2000. — №16 (507). — 23.04.2010.

16. Барашев Р. Станет ли банкиром сын шахтера? // Газета. — 2000. — № 18—19 (509). — 14.05.2010.

Стаття надійшла до редакції 10.06.2010 р.

К. А. Гордіца,

ДУ «Інститут економіки та прогнозування НАН України»

ІНСТИТУЦІЙНО-ПРАВОВІ АСПЕКТИ ВЛАСНОСТІ В УКРАЇНІ: РЕТРОСПЕКТИВНИЙ АНАЛІЗ

АНОТАЦІЯ. В основі виявлення та узагальнення характерних рис еволюції в Україні основних правових інститутів доведено провідну роль неформальних інституційних чинників у розвитку ринкових відносин; обґрунтовано неможливість інституційно-правової метаконкуренції та закріплення найбільш ефективних інститутів в умовах відсутності національної системи формального права; показано формування традиційних моделей соціально-правової та економічної поведінки, які зумовили особливості становлення й розвитку інституту власності та формування сучасного інституційного середовища.

КЛЮЧОВІ СЛОВА. Правові інститути, права власності, правові традиції, інституційний конфлікт.

У слаборозвинених економіках, із властивим їм домінуванням особистісних господарських зв'язків та негнучких методів державного адміністрування, високий рівень трансакційних витрат зумовлює зростання ролі правових інститутів у соціально-економічному розвитку країни. Найбільше це стосується прав власності, від раціонального розподілу яких значною мірою залежить ефективність використання економічних ресурсів. Доцільно, щоб цими правами були наділені ті, хто найпродуктивніше може ними скористатись, причому права мають супроводжуватися стимулами, що сприяють такому користуванню.

Проте економічний вибір тих або інших варіантів специфікації прав власності ускладнюється тим, що правовідносини власності як органічна складова правової системи країни далеко не завжди можуть бути змінені вольовими рішеннями. На заваді